

УДК 82-053.2(075)

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА АВТОБИОГРАФИИ Г.Р. ХАГГАРДА «ДНИ МОЕЙ ЖИЗНИ»

А.Х. Вафина, Г.А. Голикова

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с повествовательной структурой текста в автобиографическом произведении Г.Р. Хаггарда «Дни моей жизни». Исследуется роль автора в коммуникативной цепи автор-читатель при передаче информации реципиенту посредством художественного текста. Доминирование диалогических отношений в коммуникативной цепи нарратор-наррататор, наличие статусно-ориентированного повествования не позволяет рассматривать текст в качестве образца документальной прозы и свидетельствует о наличии жанровых модификаций, присущих литературе non-fiction.

Ключевые слова: автор, адресат, нарративная инстанция, нарратор, наррататор.

Г.Р. Хаггард (1856–1925) известен современному читателю прежде всего как автор приключенческих романов. Произведения «Копи царя Соломона», «Аллан Квотермейн», «Дочь Монтессумы» и др. представляют собой яркие, увлекательные повествования о путешествиях в экзотические страны. Однако, несмотря на внешнюю развлекательность заявленной прозы, творчество Хаггарда вписывается в общий империалистский контекст поздней викторианской эпохи. На страницах книг, созданных в этот период, читатель видит идеального героя, как правило, представленного в образе солдата британской империи с ее монополией захватнической политики и идеологией превосходства англосаксов.

Вместе с тем подобное однозначное толкование творчества писателя может быть переосмыслено при изучении небеллетристической прозы автора. Как известно, интерес к non-fiction в литературе конца XIX – начала XX в. связан с общественно-исторической ситуацией в Великобритании и Европе в целом, когда наблюдался значительный скачок в развитии научной мысли. В литературе данный процесс выразился в поиске новых жанровых форм и в модификациях уже существующих жанровых разновидностей. Особенно востребованной в то время оказалась аналитическая публицистика, которая «благодаря сочетанию публицистического, научного и беллетристического начал, не только выполняла функцию исследования и анализа событий и явлений, но и обладала художественной ценностью» [1, с. 5].

Генри Хаггард, будучи одним из ярких и востребованных представителей английской литературы этого периода, не мог остаться в стороне от общего процесса. Автор пробовал свои силы в модификации жанров non-fiction. Так, несмотря

на то что его очерки, эссе, автобиография по-прежнему отражали общие характеристики документальной прозы викторианской эпохи¹, изменившаяся форма, диалогичность текста (пришедшая на смену сдержанной тональности) не позволяют рассматривать данные произведения в рамках традиционной системы жанровых разновидностей.

Изменение уже устоявшейся структуры non-fiction в творчестве Г. Хаггарда наиболее заметно в жанре автобиографии. Здесь автор расширяет тематическое пространство текста, представляющего собой личностное повествование, введением колониального дискурса, в котором неизменно обнаруживается ярко выраженный оценочный контекст – отношение к сложившейся политической ситуации. Тем самым текст Г. Хаггарда приобретает дополнительные смысловые сентенции, в которых присутствует амбивалентность авторского сознания. Подобное разрушение традиционной жанровой структуры автобиографии, на наш взгляд, наиболее ярко демонстрируют характер повествования в тексте и способы выстраивания коммуникативного плана.

Основную часть автобиографической книги Генри Хаггарда «Дни моей жизни» (“The days of my life”, 1926) составляют рассказы о личном впечатлении автора от поездок в экзотические колониальные страны. Достоверность повествования позволяет автору выстраивать с читателем особые доверительные взаимоотношения. Они конструируются на протяжении всего повествования благодаря особому сочетанию субъективного изложения автора с объективным восприятием читателя.

Текст автобиографии предваряется развернутым вступлением:

«Я встречал многих людей, я видел много стран, я испытал множество чувств, я сыграл множество ролей. Весь этот опыт позволяет нарисовать необычную картину, на которую неосведомленный читатель был бы рад взглянуть. По крайней мере, я на это надеюсь...» (DML) (перевод наш. – А.В., Г.Г.).

В приведенном отрывке из вступления обнаруживается целенаправленная авторская установка на осмысление изложенного как достоверно-реального (в тексте особо подчеркивается, что это – воспоминания о днях молодости). Такое разъяснение позволяет читателю воспринимать повествование как жизненный опыт нарратора², как реальность, имевшую место в прошлом. В дальнейшем эта установка будет поддерживаться подробным описанием исторических событий, введением определенных дат (например, вступление заканчивается указанием на 1911 год).

Наличие вводных слов в тексте, адресованных нарратору, дает возможность судить об отношении нарратора к адресату. Так, оценка может обнаруживаться в прямом обращении нарратора к нарратору (как в случае с просьбой о снисходительном отношении к данному труду: «Я надеюсь»). Часто нарратор делится с фиктивным читателем собственными убеждениями: «Я убежден, что “Сельскохозяйственная Англия”, а также и другие мои книги по вопросам

¹ Документальной прозе описываемого периода присуще стремление к логически структурированному повествованию с целью осмысления политической, социальной жизни Великобритании и определения в ней места героя.

² Термины *нарративная модель*, *нарратор*, *наррататор*, *фиктивный читатель*, *реципиент* используются нами вслед за В. Шмидом (см. [2]).

сельского хозяйства, все еще могут способствовать оживлению моей памяти» (DML) (перевод наш. – А.В., Г.Г.). Еще один распространенный прием в автобиографии Г. Хаггарда – это прямое обращение в тексте к реципиенту: «Я боюсь, что читатель может подумать, что это все несколько эгоистично, но, к сожалению, этот недостаток, присущ автобиографии, и без этого данное произведение выглядело более или менее бесполезным» (DML) (перевод наш. – А.В., Г.Г.). В приведенном примере нарратор делится с нарратором своими соображениями о жанровой специфике представленной автобиографии, намекает на связанные с особенностями текста проблемы в восприятии подобного произведения. При этом такое указание нарратора предполагает целенаправленную авторскую установку на вдумчивое чтение, а также акцентирует наличие черт, присущих скорее художественному тексту, чем фактологическому материалу.

Субъективность повествования поддерживается и непосредственным изложением материала. Так, зачастую в тексте Г. Хаггарда нарратор обладает исключительным правом представлять события в том хронологическом порядке, который определяется его ретроспективной деятельностью. Например, в третьей части автобиографии («Наталь»³) содержатся воспоминания переводчика, предваряющие описываемые события: «Главный переводчик... сказал мне, что несколько лет назад побывал в стране зулусов и однажды присутствовал при “вынюхивании”» (ДМЖ1). В данном примере обнаруживается осложнение нарративной модели: стандартная двухуровневая коммуникативная структура (автор – нарратор) нарастает третьим факультативным компонентом. Достигается это благодаря тому, что повествуемый персонаж (переводчик) сам выступает как повествующая инстанция, что приводит к дефрагментации ретроспективной модели: воспоминания нарратора по отношению к автору относятся к временному отрезку *тогда*, в то время как повествование персонажа-переводчика разрушает это соотношение. История переводчика становится изложением того, что произошло ранее, чем *тогда* (но об этих событиях не осведомлен нарратор). В данном случае текст переводчика представляет собой цитируемый мир по отношению к повествуемому миру нарратора, который, в свою очередь, воспринимается как изображаемый мир по отношению к миру автора.

Здесь мы также можем видеть несовпадение адресатов и реципиентов: в тексте сам нарратор выступает в качестве реципиента, относящегося к внутренней коммуникации, исполняя роль фиктивного читателя по отношению к фиктивному нарратору. Вместе с тем повествование (в идеале) рассчитано на восприятие идеального реципиента, относящегося к внешней коммуникации. Таким образом, мы наблюдаем разрушение традиционной жанровой структуры автобиографии, когда текст предстает как ретроспективный взгляд героя, в котором все события преломлены через личностное восприятие *теперь*. В тексте Г. Хаггарда это изменение приводит к тому, что стандартная бинарная модель *свой – чужой* становится многополярной (что отражается на уровне композиции и на хронологии событий).

Вместе с тем в рамках традиций, установившихся в литературе колониального периода, текст автора оправдывает ожидание нарратора с его интересом

³ Все произведение состоит из 23 частей, только три из которых («Наталь», «Миссия в Трансвааль», «Египет») переведены на русский язык.

к научности и фактологичности материала. Именно поэтому вслед за представленным воспоминанием повествование нарратора вновь возвращается к внутреннему времени своей истории и описываются события, последовавшие после путешествия: «Описание плясок – первая напечатанная мною вещь. Она опубликована, кажется, в журнале «Джентлменс мэгэзин» (ДМЖ1).

В представленном эпизоде нарратор конституируется наррататором в тексте и воспринимается им «не как абстрактная функция, а как субъект, неизбежно наделенный определенными антропоморфными чертами мышления и языка» [2, с. 65]. Это позволяет выявить «призматическую функцию» адресанта, благодаря которой мир, согласно К. Фридеманн, представляется «не таким, каким он существует сам по себе, а таким, каким он прошел через посредство некоего созерцающего ума» [3, S. 26]. Вследствие такого преломления действительности в сознании читателя нарратор конституируется как «сверхчеловеческая всеведущая и вездесущая инстанция» [2, с. 79].

Достоверность повествования также достигается благодаря наличию ссылок на факты и документы. В качестве таковых выступают письма, которые датированы и оформлены в соответствии с синтаксическими требованиями, предъявляемыми к эпистолярному жанру. Так, в третьей части книги содержится текст шести писем, написанных от имени фиктивного нарратора – современника событий. Данные документы позволяют идеальному реципиенту удостовериться в подлинности излагаемого, придают фактологическую точность материалу. Вместе с тем они выполняют еще одну функцию: снимают временную границу между *тогда* и *теперь*. Это способствует разграничению функций фиктивного нарратора и нарратора: нарратор является носителем ретроспективной функции, тогда как фиктивный нарратор (автор писем) излагает сиюминутное впечатление от события. Такое несовпадение определяет размежевание их точек зрения, о чем свидетельствует также то, что в дальнейшем повествовании от лица взрослого нарратора обнаруживается оценка, которую он дает автору писем: «В следующем письме, датированном 6 октября, я сообщил, что пишу статьи, и добавил торжественный постскрипtum: “Не говорите никому, что я печатаюсь в журналах”. Видимо, к тому времени мной уже овладела страсть к сочинительству» (ДМЖ1). В цитируемом отрывке обращает на себя внимание словосочетание *торжественный постскрипtum*, из которого можно заключить об иронично-снихождительном отношении нарратора к фиктивному нарратору, о котором повествуется идеальному реципиенту.

Особо следует подчеркнуть, что, оценивая колониальную политику Великобритании, автор выделяет рефлексии нарратора по отношению к событиям прошлого, создавая контраст с повествованием фиктивного нарратора. В четвертой части автобиографии «Специальная комиссия в Трансвааль» есть строки, повествующие о бурском характере. В этих воспоминаниях конструируется образ жестокого бура, который с ненавистью относится к коренному населению Африки. В своей истории фиктивный нарратор отражает цивилизаторскую миссию белого человека, носителя основных идей британского колониализма: примитивным дикарям недоступны блага цивилизации, и задача европейцев – помочь им этих благ достичь, научить истинной вере и знанию, тому, как извлекать богатства из плодородной земли. Вместе с тем автор вводит в текст и другую

точку зрения на излагаемое: «Однако в те дни я судил о бурах только по тому, что видел. Над причинами же, которые обуславливали все эти неприятные черты, я не задумывался» (ДМЖ2).

Отметим, что здесь автор вводит в повествование оценочную лексику, особо подчеркивая различие взглядов на одно и то же событие. Так, несмотря на наличие в тексте нарратора, который как бы ведет наррататора за собой, интерпретационной функцией наделяется идеальный реципиент. Это позволяет воздействовать на восприятие адресата, который, сравнивая две контрастные точки зрения, приходит к пониманию объективной картины.

Можно говорить о том, что сопоставление текстов фиктивного нарратора и нарратора дает возможность выявить в тексте нарратора особую лексику, способствующую формированию иного отношения к событиям прошлого. При этом оценка, данная фиктивным нарратором, не предполагает рефлексии по отношению к излагаемому. Это, в свою очередь, позволяет заключить, что адресаты нарратора, фиктивного нарратора и абстрактного автора также не совпадают по своей функции. Адресат нарратора принимает предложенную оценку, тогда как идеальный реципиент имеет возможность сопоставлять и сравнивать, делать логические умозаключения благодаря наличию множества точек зрения на изображаемое. Автор же, выстраивая иерархическую структуру коммуникативных уровней текста, взывает к активной умственной деятельности абстрактного читателя, что дает возможность относиться к тексту как к сложному целому, требующего умственного напряжения и вдумчивого чтения.

Таким образом, несмотря на наличие традиционных приемов в выстраивании текста автобиографии, в коммуникативной структуре произведения представлены черты, нарушающие поэтику подобного вида текстов и на уровне композиции, и на уровне содержания. Уникальность жанра автобиографии заключается в сочетании документальности и субъективности, что не позволяет рассматривать подобные произведения как документальную прозу. Мир Хаггарда, представленный через призму колониаторской политики Великобритании, дает автору свободу в оценке происходящего. В произведении «Дни моей жизни» «интерпретационная функция делегируется реципиенту» [4, с. 5], благодаря чему автор видоизменяет общепринятое соотношение между субъективным и объективным началами в тексте. Репрезентация окружающего мира, образ *я* автора, адресат текста становятся в автобиографии Г. Хаггарда статусно-ориентированными. Это позволяет писателю отразить в своем произведении общую тенденцию в решении вопроса о месте и роли Великобритании в рамках основных общественных и научных процессов того времени.

Summary

A.Kh. Vafina, G.A. Golikova. The Communicative Structure of the Autobiography The Days of My Life by H.R. Haggard.

The article deals with the issues related to the narrative structure of the text in the autobiography *The Days of My Life* by H.R. Haggard. We study role of the author in the author–reader communicative chain in the transmission of information to a recipient by means of a literary text. The predominance of dialogic relations in the narrator–narrator communicative chain and the presence of status-orientated narration prevents from regarding the text as an example

of documentary prose and suggests the presence of the genre modifications typical of non-fiction literature.

Keywords: author, addressee, narrative instance, narrator, narrator.

Источники

DML – *Haggard H.R.* Introduction // Haggard H.R. *The Days of My Life: an Autobiography* / Ed. by C.J. Longman. – URL: http://ebooks.adelaide.edu.au/h/haggard/h_rider/days/introduction.html#introduction, свободный.

ДМЖ1 – *Хаггард Г.Р.* Наталь // Хаггард Г.Р. *Дни моей жизни* / Пер. с англ. В. Голанта. – URL: http://ocr.krossw.ru/html/haggard/haggard-days-ls_1.htm, свободный.

ДМЖ2 – *Хаггард Г.Р.* Миссия в Трансвааль // Хаггард Г.Р. *Дни моей жизни* / Пер. с англ. В. Голанта. – URL: http://ocr.krossw.ru/html/haggard/haggard-days-ls_2.htm, свободный.

Литература

1. *Савлюкова Н.Н.* Публицистическая и автобиографическая проза Генри Райдера Хаггарда: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2011. – 19 с.
2. *Шмид В.* Нарратология. – М.: Яз. славян. культуры, 2003. – 311 с.
3. *Friedemann K.* Die Rolle des Erzählers in der Epik. – Leipzig: Haessel Verl., 1910. – 135 S.
4. *Вафина А.Х.* Формы выражения авторского сознания в автобиографической прозе Андрея Белого: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2011. – 20 с.

Поступила в редакцию
20.09.13

Вафина Алсу Хадиевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: alsu_vafina@mail.ru

Голикова Гузель Азгаровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: guzel-golikova@yandex.ru